

КЪ ВОПРОСУ

О КАНДИДАТУРЪ НА КАФЕДРУ РУС-
СКОЙ ИСТОРИИ ВЪ УНИВЕРСИТЕТЪ
СВ. ВЛАДИМИРА ПРОФЕССОРА ЛЬВОВ-
СКАГО УНИВЕРСИТЕТА

МИХАИЛА ГРУШЕВСКАГО.

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ

MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

К І Е В Ъ.

Типографія «Русская Печатня» Михайл. проул. № 20.

1908.

КЪ ВОПРОСУ

О КАНДИДАТУРЪ НА КАФЕДРУ РУС-
СКОЙ ИСТОРИИ ВЪ УНИВЕРСИТЕТЪ
СВ. ВЛАДИМИРА ПРОФЕССОРА ЛЬВОВ-
СКАГО УНИВЕРСИТЕТА

МИХАИЛА ГРУШЕВСКАГО.

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ

MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

К І Е В Ъ.

Типографія «Русская Печатня» Михайл. проул. № 20.

1908.

Въ № 10 «Кіевлянина» 1908 г. подъ заглавіемъ:
Конкурсъ для замѣщенія каедры русской исторіи,
въ отдѣлѣ хроники помѣщена слѣдующая замѣтка:

«На конкурсѣ, объявленный для замѣщенія вакантной каедры русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра выступило два кандидата: профессоръ Нѣжинскаго историко - филологическаго института *В. Н. Савва* и профессоръ Львовскаго университета *Михаиль Грушевскій*. Послѣдній представилъ нѣсколько сотъ своихъ печатныхъ трудовъ, написанныхъ на «современномъ» малорусскомъ нарѣчїи. Оцѣнка трудовъ обоихъ кандидатовъ для замѣщенія каедры поручена особой комиссіи, составленной изъ нѣсколькихъ профессоровъ историко-филологическаго факультета. Рассмотрѣніе ученыхъ трудовъ г. Грушевскаго составляетъ довольно сложную задачу, такъ какъ значительная часть ихъ написана на малопонятномъ нарѣчїи, разработанномъ въ послѣдніе годы группой галицкихъ украинофиловъ.

Нѣсколько времени тому назадъ г. Грушевскій прїѣзжалъ въ Кіевъ, гдѣ прочиталъ рядъ лекцій по исторіи Малороссіи на малорусскомъ нарѣчїи въ народномъ домѣ Кіевского общества грамотности».

Изъ этой замѣтки видно, что, вопреки нѣкоторымъ опроверженіямъ, кандидатура г. Грушевскаго на кафедру русской исторіи въ нашемъ Университетѣ поставлена официально, а потому не бесполезнымъ считаемъ воспроизвести въ памяти Кіевлянъ нѣкоторые факты и обстоятельства, выяснившіеся недавно на судебномъ разбирательствѣ по дѣлу объ оскорбленіи въ печати, по жалобѣ г. Грушевскаго на бывшего редактора газеты «Законъ и Правда» г. Юзефовича.

Законъ и Правда 1907 года № 144-й.

Со смертью профессора Петра Васильевича Голубовскаго въ Кіевскомъ Университетѣ освобождается кафедра русской исторіи — одна изъ важнѣйшихъ университетскихъ кафедръ, какъ по высокому значенію ея предмета, — отечественной исторіи, такъ и по вліянію ея на выработку политическихъ убѣжде-

ній будущихъ преподавателей исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Само собою понятно, что для монархическихъ и патріотическихъ организацій г. Кіева не должно быть безразличнымъ, кто вступитъ на осиротѣвшую кафедру. Въдъ русская исторія не то, что какая-нибудь математическая или медицинская дисциплина, самую сущность своею опредѣляющая направленіе и ходъ профессорскаго изложенія. Въ преподаваніи исторіи главную роль играетъ личность профессора. Изложеніе исторіи никогда еще не было, не будетъ и не можетъ быть объективнымъ. На тысячу ладовъ можно подбирать, сцѣплять и освѣщать факты минувшей жизни народа, и то либо иное построеніе исторіи всецѣло зависить отъ религіозныхъ и политическихъ убѣжденій профессора или историческаго писателя. Ничего опредѣленнаго, ничего установившагося въ этой области науки пока еще нѣтъ. Каѳедра русской исторіи въ рукахъ человѣка, любящаго родину, преклоняющагося предъ ея величіемъ, вѣрнаго ея историческимъ, внѣдрившимся въ народную душу идеаламъ—могучее орудіе для подъема въ школьномъ юношествѣ русскаго народнаго духа; но та же каѳедра въ рукахъ врага Россіи, презирающаго ея исторію и стремящагося, по примѣру профессора Карѣева, истребить изъ памяти своихъ слушателей самое имя «Россія»,—становится не менѣе могучимъ орудіемъ разложенія ткани русской народной души, распатывающимъ устои русской государственности и содѣйствующимъ разрушительной работѣ враждебныхъ

русскому народу инородцевъ. Если недавно еще исторія являлась орудіемъ пробужденія «національнаго самосознанія», то теперь, вникая въ то, что говорится съ профессорскихъ кафедръ и публикуется въ «освободительныхъ» журналахъ, она обратилась въ разрушительное орудіе революціонной пропаганды. Мы никогда не переживали бы столь враждебнаго всему русскому «освободительнаго» движенія, если бы профессора предварительно не позаботились оклеветать и оболгать все прошлое Россіи ради достиженія подлыхъ политическихъ цѣлей. Поэтому для всякаго благомыслящаго и патріотически-настроеннаго кіевлянина чрезвычайно важно, чтобы вакантная, за смертью П. В. Голубовскаго, кафедра русской исторіи не попала въ руки какого-нибудь «освободителя», врага Россіи. Между тѣмъ носятся слухи, будто на эту кафедру пробирается пресловутый вождь украинomanовъ, «прохвессоръ» Львовскаго университета Михаилъ Грушевскій. Говорятъ, будто въ историко-филологическомъ факультетѣ его будутъ проводить—сотрудникъ «Записокъ товариства имени Шевченка», занимающій, по недоразумѣнію, кафедру *русской* словесности, проф. Перець, и извѣстный «освободитель», но крайне сомнительной учености профессоръ *русской* исторіи, Довнаръ-Запольскій. Совѣтъ же Кіевскаго Университета до сихъ поръ не обнаруживалъ еще достаточно патріотической стойкости, чтобы отъ него можно было ожидать отпора проискамъ и домогательствамъ г. Грушевскаго.

Въ Петербургѣ г. Грушевскій имѣетъ надежныхъ покровителей въ лицѣ «кадетовъ» центрального органа министерства народнаго просвѣщенія и членовъ Академіи наукъ, выдающихъ въ немъ чуть не генія. Такимъ образомъ г. Грушевскій можетъ пожалуй пробраться въ университетъ, и если только монархическія и патріотическія организациі не окажутъ въ этомъ дѣлѣ своего вліянія, то злобредная секта украиномановъ станетъ въ Кіевѣ твердою ногою и не скоро удастся съ нею раздѣлаться. Г. Грушевскій «захватнымъ» правомъ осуществитъ преподаваніе на «украинскомъ» воляпюкѣ; въ случаѣ противодѣйствія власти изъ за этого начнутся всевозможныя забастовки; такимъ образомъ Кіевская университетская жизнь на многіе годы будетъ отравлена новымъ ядомъ украиноманства, какъ это мы видѣли на примѣрѣ Львовскаго университета, гдѣ послѣдователи г. Грушевскаго, предводимые бывшимъ лубенскимъ гимназистомъ Павломъ Кратомъ, дошли до истребленія ректорскихъ портретовъ и разныхъ университетскихъ достопамятностей. Вотъ почему въ этомъ вопросѣ должны выступить со всею возможною настойчивостью Кіевскія патріотическія партіи и союзы, выразивъ категорически, что для г. Михаила Грушевскаго въ Кіевскомъ университетѣ мѣста нѣтъ и быть не должно.

Кіевъ—колыбель Россіи и центромъ украинской автономіи никогда не былъ и не будетъ.

Кіевскій Голосъ 1907 года № 81-й.

Къ замѣщенію каведры русской исторіи въ Кіевскомъ университетѣ.

На дняхъ Кіевскій университетъ понесъ крупную утрату. Умеръ почтенный дѣятель науки, профессоръ русской исторіи П. В. Голубовскій. Кафедра его осталась вакантною, и естественно возникаетъ вопросъ, кто же займетъ ее? Для Кіевского университета и Украйны этотъ вопросъ далеко не безразличенъ. Украинская исторія представляетъ собой очень интересное въ научномъ смыслѣ явленіе. Раньше другихъ, украинскій народъ создалъ общественную и государственную организацію на началахъ самаго широкаго народоправства, провозгласилъ равенство всѣхъ, получилъ возможность своеобразно устроить свою экономическую жизнь, и въ концѣ концовъ почти все свелось на нѣтъ. Почему, какія причины этого? Отвѣтъ на эти вопросы интересенъ не только для украинцевъ, но и для всѣхъ, кому дорого изученіе историческихъ явленій и процессовъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ изученіе украинской исторіи было поставлено въ тѣ уродливыя рамки, которыя полицейское государство, благодаря дѣятельности разнаго рода «добровольцевъ», создало для украинской народности вообще. Украинская исторія разрабатывалась очень слабо, случайно, преимущественно любителями. Правда, въ Кіевскомъ университетѣ читалъ лекціи по исторіи Украйны и

работалъ надъ изученіемъ ея проф. В. В. Антоновичъ; но условія этого чтенія и изученія были таковы, что приходилось на каждомъ шагу озираться, принимать мѣры предосторожности противъ разнаго рода добровольцевъ, и въ жизни В. В. Антоновича былъ одинъ моментъ, когда университетъ насильственно могъ лишиться и этого выдающагося украинскаго дѣятеля въ его стѣнахъ. Видя, что въ предѣлахъ Россіи серьезная разработка украинской исторіи связана съ большими, часто непреодолимыми трудностями, проф. В. В. Антоновичъ направилъ свое вниманіе на Галицію, на Львовскій университетъ. Для занятія профессорской каедры въ этомъ университетѣ онъ подготовилъ одного изъ послѣднихъ своихъ учениковъ по университету М. С. Грушевскаго. Выборъ проф. В. В. Антоновича оказался, какъ нельзя болѣе, удачнымъ. Въ лицѣ М. С. Грушевскаго наука украинской исторіи нашла себѣ неутомимаго изслѣдователя, а украинство—одного изъ преданнѣйшихъ, убѣжденнѣйшихъ, энергичнѣйшихъ дѣятелей, благодаря своей удивительной энергіи создавшаго, можно, безъ преувеличенія, сказать, эпоху не только въ украинской исторіографіи, но и въ украинскомъ общественномъ движеніи вообще.

До послѣдняго времени дѣятельность проф. М. С. Грушевскаго проходила преимущественно въ Галиціи. Но послѣднія событія русской жизни дали ему возможность перенести ее отчасти и въ предѣлы Россіи. Его имя стало появляться на страницахъ русскихъ изданій, при его ближайшемъ содѣйствіи

въ Петербургѣ въ прошломъ году издавался «Украинскій Вѣстникъ», чрезвычайно важный для украинскаго дѣла еженедѣльникъ; а въ Кіевѣ издается теперь «Литературно-науковий Вістникъ». Научные труды проф. М. С. Грушевскаго нашли себѣ высокое признаніе въ лицѣ Харьковскаго университета, который удостоилъ его званія почетнаго доктора исторіи (*honoris causa*).

Изъ всего этого ясно, что проф. М. С. Грушевскій, занявъ кафедру въ Львовскомъ университетѣ, сдѣлалъ это по необходимости, такъ какъ въ предѣлахъ Россіи онъ не имѣлъ для своей дѣятельности благопріятныхъ условій; но что, при первой возможности, онъ стремится перенести свою дѣятельность въ предѣлы Россіи. Для этого у него есть, должно быть, серьезныя основанія, помимо его привязанности къ мѣсту родины. Онъ уроженецъ правобережной Украины, Кіевской губерніи.

Для друзей науки есть поэтому полная возможность удержать проф. М. С. Грушевскаго въ предѣлахъ Россіи, и въ этомъ отношеніи освободившаяся, за смертью П. В. Голубовскаго, кафедра русской исторіи въ Кіевскомъ университетѣ можетъ быть лучшимъ средствомъ. Занятіе М. С. Грушевскимъ кафедрой въ Кіевскомъ университетѣ, по нашему мнѣнію, было бы большимъ приобрѣтеніемъ для университета и исторической науки. Университетъ получилъ-бы дѣйствительно ученаго, талантливаго и опытнаго профессора, который имѣетъ много ученыхъ трудовъ по древне-русской и украинской исто-

риі. Проф. П. В. Голубовскій читаль древне-русскую исторію, и М. С. Грушевскій замѣнилъ-бы его. Кромѣ того, М. С. Грушевскій обратилъ-бы, естественно, свое особое вниманіе на украинскую исторію, на подготовку работниковъ, которые-бы занялись ея разработкой, какъ это онъ сдѣлалъ во Львовѣ. Кіевъ хранитъ колоссальныя архивныя богатства для украинской исторіи, которыя остаются до сихъ поръ совершенно нетронутыми, благодаря отсутствію работниковъ отсутствію инициаторовъ къ ихъ разработкѣ. Проф. М. С. Грушевскій, какъ показала его дѣятельность, обладаетъ въ большой степени именно этимъ драгоцѣннымъ качествомъ—иниціативой. Доказательства «Записки науковаго товариства» и цѣлый рядъ научныхъ изданій, возникшихъ во Львовѣ со времени приѣзда туда М. С. Грушевскаго и при его ближайшемъ содѣйствіи. Казалось-бы, университетъ, если ему дороги интересы науки, долженъ былъ-бы пригласить М. С. Грушевскаго на освободившуюся кафедру русской исторіи. Но проф. М. С. Грушевскій является не только ученымъ, но и публицистомъ, общественнымъ дѣятелемъ, а Кіевскій университетъ своеобразенъ по своему составу. Большинство его профессуры представляютъ изъ себя противниковъ, довольно таки недвусмысленныхъ, прогрессивнаго развитія русской жизни, въ особенности же украинскаго національнаго самоопредѣленія. Еще очень недавно проф. Т. Д. Флоринскій ратовалъ противъ украинства на страницахъ «Кіевлянина», а Кіевскій университетъ несо-

чувственно встрѣтилъ учрежденіе такъ называемыхъ украинскихъ кафедръ, хотя учрежденіе ихъ съ научной точки зрѣнія врядъ-ли серьезно можетъ быть отвергаемо служителями науки. Еще не поставлена кандидатура проф. М. С. Грушевскаго факультетомъ, а уже начинается агитація противъ него въ печати. Въ листкѣ г. Б. Юзефовича «Законъ и Правда» (№ 144) напечатано въ этомъ смыслѣ «письмо въ редакцію», безъ подписи, но идущее, новидимому, отъ лица, такъ или иначе близкаго къ университету.

Любопытная исходная точка зрѣнія этого письма. Наши реакціонеры больше всего кричатъ о томъ, что университетъ долженъ стоять какъ можно дальше отъ политики и быть учрежденіемъ строго научнымъ. Между тѣмъ «письмо», помѣщенное въ «Законъ и Правдѣ» проводитъ ту мысль, что кафедра исторіи въ университетѣ должна быть не научной кафедрой, а «орудіемъ» для пробужденія «національнаго самосознанія». Съ этой точки зрѣнія авторъ письма вооружается противъ проф. М. С. Грушевскаго, и ведетъ агитацію путемъ всякаго рода инсинуаций, какъ это обыкновенно дѣлается у нашихъ реакціонеровъ.

Говорятъ, пишетъ авторъ письма, будто въ историко-филологическомъ факультетѣ его будутъ проводить—сотрудникъ «Записокъ товариства имени Шевченка», занимающій, по недоразумѣнію, кафедру русской словесности, проф. Перець, и извѣстный «освободитель», но крайне сомнительной учености профессоръ русской исторіи Довнаръ-Запольскій. Совѣтъ же Кіевского университета до сихъ поръ не обнаружи-

валъ еще достаточно патріотической стойкости, чтобы отъ него можно было ожидать отпора проискамъ и домогательствамъ г. Грушевскаго.

Характерныя для нашихъ реакціонеровъ вылазки противъ В. Н. Переца и М. В. Довнаръ-Запольскаго, профессоровъ съ почтенными научными именами, а также упрекъ въ недостаткѣ «патріотической стойкости» у совѣта Кіевскаго университета ясно показываютъ, какими средствами предполагается бороться въ реакціонной печати противъ кандидатуры проф. М. С. Грушевскаго. Не путемъ научной критики, не путемъ оцѣнки М. С. Грушевскаго, какъ профессора и ученаго, а путемъ грязныхъ инсинуацій. Въ «письмѣ въ редакцію» ихъ уже достаточно.

Въ Петербургѣ, продолжаетъ авторъ письма, г. Грушевскій имѣетъ надежныхъ покровителей въ лицѣ «кадетовъ» центральнаго органа министерства народнаго просвѣщенія и членовъ Академіи наукъ, видящихъ въ немъ чуть не генія. Такимъ образомъ г. Грушевскій можетъ пожалуй пробраться въ университетъ, и если только монархическія и патрістическія организаціи не окажутъ въ этомъ дѣлѣ своего вліянія, то зловредная секта украинomanовъ станетъ въ Кіевѣ твердою ногою и не скоро удастся съ нею раздѣлаться. Г. Грушевскій «захватнымъ» правомъ осуществитъ преподаваніе на «украинскомъ» воляпюкѣ; въ случаѣ прогиводѣйствія власти изъ за этого начнутся всевозможныя забастовки; такимъ образомъ Кіевская университетская жизнь на многіе годы будетъ отравлена новымъ ядомъ украинно-

манства, какъ это мы видѣли на примѣрѣ Львовскаго университета, гдѣ послѣдователи г. Грушевскаго, предводимые бывшимъ лубенскимъ гимназистомъ Павломъ Кратомъ, дошли до истребленія ректорскихъ портретовъ и разныхъ университетскихъ достопамятностей.

Здѣсь пущены въ ходъ всѣ современные «жу-пелы», какими пугаютъ наши реакціонеры народъ православный. На первомъ мѣстѣ зловердые, конечно, «кадеты», которые поддержатъ, навѣрно, г. Грушевскаго, затѣмъ «украинофильство», «украинскій воляпюкъ», «забастовки» и «истребленіе портретовъ»... Все это, конечно, не ново, но все это также глупо и пошло, какъ и всегда.

Авторъ въ заключеніе своего письма говоритъ торжественно:

Вотъ почему въ этомъ вопросѣ должны выступить со всею возможною настойчивостью Кіевскія патріотическія партіи и союзы, выразивъ категорически, что для г. Михаила Грушевскаго въ Кіевскомъ университетѣ мѣста нѣтъ и быть не должно.

Мы не сомнѣваемся, что послѣ этого письма начнутся кликушичы припадки «кіевскихъ патріотическихкихъ партій и союзовъ», но намъ хотѣлось-бы, чтобы Кіевскій университетъ среди болѣзненнаго воя, который будетъ стоять вокругъ его стѣнъ, сумѣлъ сохранить свой научный авторитетъ и оцѣнилъ все то значеніе для разработки украинской исторіи, которое имѣло бы занятіе проф. М. С. Грушевскимъ кафедрой въ родномъ ему Кіевскомъ университетѣ.

Если Кіевскій университетъ сумѣеть удержаться на этой точкѣ зрѣнія, если онъ посмотритъ на дѣло не съ политической точки зрѣнія, а признаетъ за каждымъ изъ профессоровъ право свободы убѣжденій, то, конечно, проф. М. С. Грушевскій будетъ для него самымъ серьезнымъ и законнымъ кандидатомъ для занятія каведры русской исторіи.

Ник. Василенко.

Законъ и Правда 1907 года № 158-й.

По поводу признанія г. Василенка.

Въ № 81 «Кіевского Голоса» отъ 24 марта 1907 г. появилась статья Н. Василенка: «Къ замѣщенію каведры русской исторіи въ Кіевскомъ университетѣ». Итакъ, слухи о проискахъ украиномановъ съ цѣлью захвата важной для нихъ университетской каведры подтверждаются теперь публичнымъ признаніемъ одного изъ столповъ Кіевского украиноманства, а слѣдовательно о планѣ украиномановъ посадить на эту каведру пресловутаго г. Михаила Грушевскаго можно говорить уже какъ о фактѣ совершившемся. Пріймемъ же къ свѣдѣнію, что г. Грушевскій не по слухамъ только, а по признанію единомышленниковъ, пробирается на осиротѣвшую со смертью П. В. Голубовскаго каведру. Желателенъ ли онъ на ней?— вотъ въ чемъ вопросъ.

Г. Василенко, съ обычнымъ всѣмъ «лѣвымъ» лицемѣріемъ, упрекаетъ насъ въ томъ, что мы, отвергая самую мысль о возможности предоставленія

каедры русской истории г. Грушевскому, не вошли въ оцѣнку его, какъ профессора и ученаго, не разсмотрѣли его многочисленныхъ научныхъ трудовъ. Но, конечно, г. Василенко прекрасно понимаетъ, что не въ краткой газетной «замѣткѣ» занимаются подобными оцѣнками и разсмотрѣніями. Онъ и самъ не дѣлаетъ этого, а ограничивается ссылкой на высочайшее признаніе ученыхъ заслугъ г. Грушевскаго Харьковскимъ университетомъ, который удостоилъ де его званія почетнаго доктора истории. Подобныя ссылки имѣли бы значеніе въ доброе старое время, когда университеты не были еще захвачены «революціей» и когда не существовало еще «академическаго союза». Теперь же всѣ даваемые университетами званія и отличія имѣютъ лишь условную цѣну, ибо присуждаются не за научныя заслуги, а за «кадетскія», «есъ-декскія», «есъ-ерскія» и т. п. убѣжденія. Примкнули Харьковскіе профессора къ «академическому союзу», провели въ ректоры украинмана г. Багалѣя и сейчасъ же г. Грушевскій и г. Франко оказались достойными докторскихъ степеней. Кто даетъ нынѣ вѣру профессорскимъ оцѣнкамъ?!

Тѣмъ не менѣе, не слѣдуя примѣру уклончивости г. Василенка, мы выскажемъ наше мнѣніе о г. Грушевскомъ, какъ о кандидатѣ на Кіевскую университетскую кафедру. Для роли профессора русскаго университета г. Грушевскій прежде всего потому никуда не годится, что онъ, живя болѣе десяти лѣтъ во Львовѣ, въ средѣ украинмановъ, и ради практики, говоря постоянно на украинскомъ воляпюкѣ, разу-

чился говорить по-русски и выражается такъ урливо, что ухо не терпитъ его слушать. Самъ онъ признается въ «Очеркѣ исторіи украинскаго народа» (Спб. 1904), что «чутье языка» успѣло у него притупиться за время жизни за границею. Что же это будетъ за профессоръ русской исторіи, не умѣющій правильно выражаться по-русски? Затѣмъ, профессура въ университетѣ связана у насъ съ государственной службой. Какая же создастся вопіющая бессмыслица, если на русской государственной службѣ появится профессоръ, который не только отрицаетъ законность русскаго государства, стремясь къ «украинской» автономіи, но даже отвергаетъ единство русскаго народа, раскалывая его на два народа: великорусскій и «украинскій»? Неужели русское государство должно не только оплачивать подобнаго политическаго еретика, но еще и давать ему «за выслугу лѣтъ» чины и ордена?

Какъ ученый, г. Грушевскій несомнѣнно овладѣлъ научной техникой, т. е. перечиталъ и пересмотрѣлъ множество книгъ и статей по русской исторіи, умѣетъ громоздить цитаты, усвоилъ себѣ полемическіе приемы; но въ немъ нѣтъ самага главнаго достоинства ученаго—любви къ истинѣ. Онъ—ученый лгуны. Съ нахальною смѣлостью, не моргнувъ бровью, онъ извращаетъ прямой смыслъ памятниконковъ, подтасовываетъ факты, присочиняетъ гдѣ нужно цѣлыя событія, пользуясь для этого какимъ-нибудь глухимъ намекомъ въ источникахъ, однимъ словомъ

вгоняетъ исторію въ рамки своихъ предвзятыхъ политическихъ вождедѣній.

Мы не отрицаемъ усидчивости г. Грушевскаго: внѣ сомнѣнія, что онъ можетъ писать не томы, а пуды сочиненій; но толку отъ этого многописанія мы не видимъ: послѣ выхода въ свѣтъ «Исторіи Украины-Руси» обработанная въ ней вѣтвь русской исторіи оказалась засоренною такими грудами сметья, отъ которыхъ не скоро удастся ее очистить. Безспорно, кіевскія диссертациі г. Грушевскаго: «Очеркъ исторіи Кіевской земли» (1891) и «Барское староство» (1894) — правдивѣе; однако же найти въ нихъ какую-нибудь «талантливость» мы рѣшительно отказываемся.

Вообще мы не понимаемъ, на чемъ основывается обычное мнѣніе о выдающихся дарованіяхъ г. Михаила Грушевскаго. Онъ не болѣе, какъ покорный рабъ своего учителя, профессора Антоновича, и клянется словами своего учителя. Безъ разбора онъ положилъ въ свой мѣшокъ все то, чѣмъ надѣлилъ его профессоръ Антоновичъ, и несетъ его съ упорствомъ, свойственнымъ не даровитымъ людямъ, а, напротивъ,—ограниченнымъ тупицамъ. Но чего много у г. Грушевскаго; такъ это—самоуверенія и самохвальства. Въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.», за 1904 г., была помѣщена статья г. Грушевскаго, въ которой онъ самъ себя воспѣваетъ панегирикъ за дѣятельность въ львовскомъ «Обществѣ имени Шевченка»

Однако же г. Грушевскій стремится въ Кіевъ не для того только, чтобы довольствоваться ролью про-

фессора и ученаго. Вѣдь онъ, по признанію подобострастно льстящихъ ему украиномановъ, — глава «украинскаго» народа, безспорный президентъ будущей «украинской» республики. Слѣдовательно, его положеніе обязываетъ его къ политической агитаціи. И вотъ, усѣвшись на кафедрѣ, онъ и займется не наукой и преподаваніемъ, а улавливаніемъ молодежи въ сѣти украиноманской политики—этой самой нелѣпой, братоубійственной, звѣрской политики, какую можно только себѣ представить. Мы достаточно знаемъ ее по галицкимъ украиноманскимъ изданіямъ и затѣямъ въ родѣ «сичей» адвоката изъ Коломыи г. Трыліовскаго.

Итакъ, что же пріобрѣтетъ Кіевскій университетъ въ лицѣ г. Грушевскаго въ случаѣ избранія его на кафедру русской исторіи? Злобнаго политика, врага Россіи и союзника иныхъ ея враговъ, профессора, разучившагося говорить по-русски, ученаго, сдѣлавшаго изъ науки орудіе украиноманской политической нелѣпицы.

Едва ли можно было бы поздравить Кіевскій университетъ съ такимъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ.

Кіевлянинъ 1907 года № 280.

Разборъ дѣла въ Кіевскомъ Окружномъ Судѣ.

9-го октября 1907 г. Кіевскимъ окружнымъ судомъ разобрано дѣло бывшего редактора издававшейся въ Кіевѣ газеты «Законъ и Правда» дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бориса Михайловича Юзефовича, обвинявшагося по 1039 и 1040 ст. ст. улож. о наказаніяхъ. Обвиненіе возбуждено по частной жалобѣ повѣреннаго профессора М. С. Грушевскаго пр. пов. М. М. Извѣкова. Жалоба заключается въ слѣдующемъ. Въ № 158 газеты «Законъ и Правда», редактированной Б. М. Юзефовичемъ, помѣщена была статья, озаглавленная «Письмо въ редакцію» и за подписью «Кіевлянинъ». Въ статьѣ этой, посвященной научной и общественной дѣятельности профессора Львовскаго университета Михаила Грушевскаго имѣется между прочимъ слѣдующее мѣсто: «Какъ ученый г. Грушевскій несомнѣнно овладѣлъ научной техникой, т. е. перечиталъ и пересмотрѣлъ множество книгъ и статей по русской исторіи, умѣетъ громоздить цитаты, усвоилъ себѣ полемическіе приемы; но въ немъ нѣтъ самаго главнаго достоинства ученаго—любви къ истинѣ. Онъ—ученый лгунъ. Съ нахальной смѣлостью, не моргнувъ бровью, онъ извращаетъ прямой смыслъ памятниковъ, подтасовываетъ факты, присочиняетъ гдѣ нужно цѣлыя событія, пользуясь для этого какимъ нибудь глухимъ намекомъ въ источникахъ, однимъ словомъ вгоняетъ исторію въ рамки своихъ предвзятыхъ политическихъ вождельній».

Говоря, что г. Грушевскій извращаетъ прямой смыслъ памятниковъ, подтасовываетъ факты, при-сочиняетъ гдѣ нужно цѣлыя событія, пользуясь для этого какимъ-либо глухимъ намекомъ въ источникахъ, и вгоняетъ исторію въ рамки своихъ предвзятыхъ политическихъ вождедѣній, и называя его ученымъ лгуномъ, авторъ этой статьи приписываетъ г. Грушевскому дѣянія, оскорбительныя для его чести и позорящія его общественную и научную дѣятельность. Въ виду изложеннаго повѣренный г. Грушевскаго просилъ судъ привлечь редактора газеты «Законъ и Правда» Б. М. Юзефовича къ отвѣтственности по 1039 и 1040 ст. ст. улож. о наказаніяхъ.

9 октября на судѣ примиренія не послѣдовало и поэтому дѣло было разобрано. Б. М. Юзефовичъ виновнымъ себя не призналъ и просилъ предоставить ему дать свои объясненія послѣ рѣчей обвинителя и защитника пр. пов. Н. М. Безпята. Повѣренный обвинителя г. Извѣковъ заявилъ, что онъ поддерживаетъ предъявленное обвиненіе.

Защитникъ г. Юзефовича пр. пов. Безпатовъ въ рѣчи своей сказалъ приблизительно слѣдующее. Для оскорбленія необходимъ умыселъ, который у г. Юзефовича отсутствовалъ. Это доказывается формулировкой quasi-оскорбительнаго выраженія, именно выраженіемъ не просто «лгунъ», а «ученый лгунъ». Защитникъ обращаетъ вниманіе судей на то, что «ученый» есть существительное въ данномъ случаѣ, а не прилагательное. Одно слово «лгунъ» оскорбительно, а въ такой комбинаціи нисколько. Извѣстно, что слово

«разбойникъ» и «кровопійца» оскорбительно, но если сказать, что данный писатель въ полемикѣ настоящей разбойникъ, или данный критикъ уничтожаетъ молодыхъ писателей какъ кровопійца, то это, конечно, не оскорбительно. Извѣстно щедринское выраженіе «разбойники пера, мошенники печати», однако это не ругань. Назвалъ же Милуковъ лѣвыхъ «товарищей» ослами, но оказалось это не оскорбительнымъ. Каждое выраженіе надо понимать въ связи съ содержаніемъ дальнѣйшаго. Сказать, что чловѣкъ «вретъ» оскорбительно, но сказать тоже про піаниста—безразлично, ибо нельзя же сказать, что онъ неправду играетъ. Въ связи-же съ содержаніемъ статьи ясно, что авторъ ея хотѣлъ сказать: онъ хотѣлъ выразить ту мысль, что ученый Грушевскій, извращая факты въ угоду политикѣ, есть ученый пристрастный, а не хотѣлъ его оскорбить. 1039 ст. улож. по своему составу требуетъ стремленія унижить «доброе имя, достоинство и честь», обращаясь-же къ содержанію статьи, мы видимъ, что въ ней дискредитируется «ученое» имя Грушевскаго, а это не предусмотрено улож. о наказ., ибо представляется объектомъ свободной критики. Съ одной стороны авторъ утверждаетъ, что Грушевскій подтасовываетъ факты, подгоняетъ исторію въ извѣстныя рамки, но вѣдь это обыкновенная манера политиковъ. Указаніе на то, что г. Грушевскій присочиняетъ факты, естественно, ибо, говорятъ французы, исторія—это сказка про прошлыя поколѣнія. Исторія полна фантазій, взять напр. призваніе варяговъ.

Взятое въ этомъ смыслѣ содержаніе статьи устраняетъ примѣненіе 1039 ст. и выясняетъ точно, что значить «ученый лгунъ», и что оно не можетъ оскорбить. Заканчиваетъ свою рѣчь защитникъ такими словами: «Лучше было-бы, если-бы г. Грушевскій оскорбился не этими выраженіями, а заключительными словами статьи, гдѣ его называютъ врагомъ Россіи».

Пр. пов. Извѣковъ возразилъ, что онъумышленно опустилъ въ своей жалобѣ ту часть статьи, гдѣ говорится о политическихъ убѣжденіяхъ г. Грушевскаго, такъ какъ эта часть статьи является прямымъ доносомъ на г. Грушевскаго, а онъ вообще не намѣренъ на судѣ разговаривать съ г. Юзефовичемъ о политическихъ убѣжденіяхъ.

По окончаніи рѣчи защитника слово было представлено г-ну Юзефовичу, который сказалъ слѣдующее:

Мой защитникъ принялъ на себя задачу изложить передъ судомъ свой взглядъ на степень отвѣтственности моеѣ по настоящему дѣлу съ точки зрѣнія формальнаго закона; но такъ какъ уголовныя дѣла по частнымъ жалобамъ разсматриваются судомъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, то на гг. коронныхъ судей переходить и дискреціонное право разрѣшать ихъ не только въ узкихъ рамкахъ формальнаго закона, но и согласно внушеніямъ ихъ свободной судейской совѣсти. Къ ней то и прошу я позволенія обратиться въ моемъ послѣднемъ словѣ.

Въ теченіе моеѣ 64-лѣтней жизни я второй разъ выступаю передъ судомъ въ качествѣ подсудимаго

и оба раза по дѣламъ о нарушеніи законовъ о печати. Положеніе довольно курьезное для бывшаго цензора и въ особенности въ эпоху, когда цензурныя стѣсненія отмѣнены и гражданамъ предоставлена широкая свобода устнаго и печатнаго слова.

Когда, два года тому назадъ, я былъ назначенъ членомъ извѣстной комиссіи Дм. Ѳом. Кобеко, я однажды озадачилъ моихъ сочленовъ заявленіемъ, что отмѣна предварительной цензуры, по крайней мѣрѣ для мелкихъ произведеній печати—для общедоступныхъ газетъ, народныхъ брошюръ и пр. — создастъ большія стѣсненія для самихъ авторовъ, для которыхъ цензурныя учрежденія являлись своего рода справочными бюро о томъ, что можно, а чего нельзя безнаказанно печатать. Настоящее обвиненіе, предъявленное ко мнѣ г. Грушевскимъ, еще болѣе утверждаетъ меня въ этомъ мнѣніи; если бы существовала предварительная цензура, то щепетильность г. Грушевскаго была бы ограждена красными чернилами цензорскаго пера, я былъ бы избавленъ отъ дачи суду объясненій по этому дѣлу, а судъ не былъ бы отвлеченъ отъ серьезныхъ дѣлъ разборомъ ничтожной распри между двумя публицистами различнаго лагеря.

Въ настоящее время могу добавить еще, что отмѣна предварительной цензуры является стѣснительною также и для редакторовъ періодическихъ изданій, на которыхъ всецѣло перешла отвѣтственность за выпускаемые листки и журналы, прежде тяготѣвшая на однихъ лишь цензорахъ. Но я пред-

ставляю себѣ, во что обратилась-бы свобода печати, если бы нынѣшніе редакторы, изъ страха отвѣтственности, стали-бы обнаруживать по отношенію къ авторамъ такую же мелочную придирчивость, какая составляла отличительную черту прежней цензуры. Вотъ почему меня крайне удивляетъ, что столь либеральный ученый, какъ г. Грушевскій, привлекъ меня къ отвѣтственности за то, что я, какъ редакторъ, оказался недостаточно строгимъ цензоромъ и не вычеркнулъ изъ инкриминируемой статьи неугодныхъ ему выраженій.

Къ счастью для нашихъ судебныхъ учрежденій и редакторовъ, люди, столь нетерпимые къ свободной критикѣ, какъ г. Грушевскій, встрѣчаются довольно рѣдко; иначе редакторамъ пришлось бы проводить всю свою жизнь въ кулуарахъ окружного суда, а судамъ пришлось бы бросить всѣ дѣла и всецѣло обратиться къ разбору частныхъ жалобъ по нарушенію правилъ о печати; я одинъ могъ бы завалить судъ десятками подобныхъ жалобъ.

Г. Грушевскаго я никогда не видалъ и не знаю и если-бы мнѣ кто-нибудь сказалъ, что онъ являетъ собою образецъ семейной и гражданской добродѣтели, я не имѣлъ бы никакихъ основаній въ этомъ сомнѣваться, но претензія его ко мнѣ напомнила мнѣ одинъ довольно характерный фактъ. Въ одномъ изъ петербургскихъ клубовъ средней руки часто бывалъ господинъ, игравшій въ карты съ неизмѣннымъ счастіемъ. За нимъ стали слѣдить и однажды одинъ изъ его партнеровъ остановилъ его словами: «вы,

милостивый государь, передернули». Тогда уличенный въ передержкѣ поднялся съ мѣста съ видомъ оскорбленнаго достоинства, и съ угрозою произнесъ: «я, милостивый государь, тридцать лѣтъ передерживаю, но никому не позволю меня въ этомъ изобличать».

Я, конечно, не стану сравнивать шулерство въ игрѣ съ научными увлеченіями политическаго фанатика, не стѣсняющагося въ средствахъ, чтобы въ сочиненіяхъ своихъ проводить излюбленныя имъ политическія ученія, но тѣмъ не менѣе замѣчу, что въ претензіи г. Грушевскаго ко мнѣ я вижу большую аналогію съ приведеннымъ мною случаемъ: г. Грушевскій много лѣтъ систематически занимается искаженіемъ русской исторіи, но, повидимому, никому не хочетъ позволить себя въ этомъ изобличать. А искажаетъ онъ ее, не стѣняясь въ средствахъ, игнорируя самыя достовѣрные источники, древнія лѣтописи, народный эпосъ и др., которыми легко было бы его изобличить, если бы онъ не позаботился прикрыть себя стѣснительными для его обличителей статьями 1039 и 1040 улож. о наказ. Смѣлость, съ которою г. Грушевскій совершаетъ свои искаженія, изумительна и доходитъ до того, напр., что, по ученію его, просвѣтитель Россіи Владиміръ Святой, воспѣтый во многихъ русскихъ былинахъ и народныхъ пѣсняхъ, былъ не русскій, а украинскій Великій Князь, а Кіевъ, по г. Грушевскому, имѣетъ право на наименованіе матери городовъ, но только не русскихъ, а украинскихъ.

Наконецъ, обращеніе г. Грушевскаго къ суду по поводу изобличенія его въ научной лжи удивляетъ меня еще и тѣмъ, что ему, какъ ученому публицисту, должно быть извѣстно, что такого рода изобличенія общеприняты въ научной критикѣ. Въ нѣмецкой научно-критической литературѣ выраженіе «ученый лгунъ» встрѣчается очень часто въ качествѣ простого полемическаго термина, а извѣстный чешскій историкъ Палацкій написалъ даже цѣлую статью подь заглавіемъ: «Handschriftliche Lügen und paläografische Wahrheiten», т. е. рукописная ложь и палеографическая правда.

Да и трудно было бы найти иное подходящее выраженіе для характеристики безцеремоннаго обращенія г. Грушевскаго съ научною истиною. Въ этомъ отношеніи всякое стѣсненіе критики можетъ только вредить дѣлу. Возьму примѣръ изъ другой области: предположимъ, что какой-нибудь музыкальный критикъ пожелалъ бы напечатать отзывъ объ оперѣ, въ которой нашелъ бы много позаимствованій изъ сочиненій другихъ композиторовъ, и что въ отзывѣ этомъ онъ назвалъ бы автора даннаго произведенія «музыкальнымъ экспроприаторомъ»; неужели же за выраженіе это можно было бы его привлечь къ отвѣту въ силу того, что словомъ «экспроприаторъ» обозначаются люди, совершающіе уличные и другіе грабежи. Вотъ въ такомъ же критическомъ смыслѣ употреблено и слово «ученый лгунъ» въ статьѣ о г. Грушевскомъ, помѣщенной въ № 158 газеты «Законъ и Правда», и обвинитель мой на-

прасно укоряетъ меня въ томъ, что я, какъ редакторъ, обнаружилъ по отношенію къ ней недостаточно цензорскаго усердія и придирчивости.

Итакъ, прошу гг. судей отнестись къ этому дѣлу не только съ точки зрѣнія формальнаго закона, но и по чистой совѣсти.

Судъ призналъ Б. М. Юзефовича виновнымъ по 1040 ст., а по 1039 ст. оправдалъ. Приговоромъ суда Б. М. Юзефовичъ приговоренъ къ штрафу въ 10 руб. и къ домашнему аресту на 3 дни.

Кіевлянинъ 1908 юда № 17.

Разборъ дѣла въ Кіевской Судебной Палатѣ.

16 января 1908 года Кіевская судебная палата разсмотрѣла въ апелляціонномъ порядкѣ возбужденное профессоромъ Львовскаго университета по каедрѣ русской исторіи М. С. Грушевскимъ дѣло по обвиненію дворянина Б. М. Юзефовича въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 1040 ст. уложен. о нак. Кіевскій окружной судъ приговоромъ 9 октября прошлаго года призналъ дворянина Б. М. Юзефовича виновнымъ въ томъ, что въ № 158, отъ 7 апрѣля 1907 г., редактируемой и издаваемой имъ въ г. Кіевѣ газеты «Законъ и Правда», помѣстилъ въ статьѣ подъ заглавіемъ «Письмо въ редакцію» оскорбительный отзывъ о профессорѣ Грушевскомъ, заключающій въ себѣ злословіе и брань, указавъ, что Грушевскій съ нахальной смѣлостью, не моргнувъ бровью, извращаетъ прямой смыслъ памятниконъ, и назвалъ его ученымъ лгуномъ. Предсѣдательствовалъ членъ судебной палаты С. А. Нордштейнъ, которымъ и было доложено въ судебномъ засѣданіи палаты самое дѣло. Въ своей апелляціи дворянинъ Юзефовичъ ходатайствовалъ отмѣнить состоявшійся о немъ приговоръ и ссылаясь, что окружной судъ неправильно обособилъ вѣнненныя ему выраженія отъ общаго смысла и содержанія напечатанной замѣтки и придавъ имъ характеръ злословія и брани, тогда какъ выраженія эти въ связи съ остальнымъ содержаніемъ инкриминируемой статьи

составляютъ характеристику дѣятельности профессора Грушевскаго, какъ ученаго и историка, вслѣдствіе чего противъ него и можетъ быть возбуждено только обвиненіе въ клеветѣ, и тогда онъ, какъ редакторъ газеты, не лишается права доказывать правдивость помѣщенной въ статьѣ терминологіи научныхъ заслугъ г. Грушевскаго.

Защитникъ г. Юзефовича присяжный повѣренный В. В. Матусевичъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

Г.г. судьи. Честь частнаго лица противъ посягательствъ на нее печати охраняется тремя статьями уложенія о наказаніяхъ: 1039, 1040 и 1535. Хотя передъ лицомъ суда всѣ эти статьи равновелики и равноцѣнны, но этика печатнаго дѣла и отношенія къ печатному слову давно выбросили изъ своего обихода статьи 1039 и 1040, какъ орудіе негодное для лицъ, не боящихся истины. Тотъ, кто считаетъ себя обиженнымъ могучимъ печатнымъ словомъ, не будетъ переносить центръ тяжести своей обиды на внѣшнюю форму изложенія, а равно и не будетъ прятаться за формальные закоулки означенныхъ статей, не дающихъ возможности литературному работнику доказать правдивость имъ написаннаго. Такъ рыцари чести не дѣлаютъ, и не защищаютъ своего добраго имени приказомъ обвиняемому молчать. Профессоръ Львовскаго университета Михаилъ Сергѣевичъ Грушевскій поступилъ иначе. Онъ вытаскилъ изъ литературно-судебнаго архива давно забытыя статьи и, притянувъ насъ къ гласному суду, связалъ насъ по рукамъ и ногамъ формальными

условіями защиты, не давая намъ возможности съ документами въ рукахъ доказать, что все то, что нами напечатано о немъ, есть истина святая. Обидѣвшись на то, что его назвали «ученымъ лгуномъ, съ нахальной смѣлостью, не моргнувъ бровью, извращающимъ прямой смыслъ памятниковъ», г. Грушевскій лишилъ насъ возможности доказать правоту нашей критической оцѣнки его историко-литературной дѣятельности. Имѣй мы возможность, мы бы съ книгами его сочиненій въ рукахъ доказали бы всю научную его цѣнность, мы бы доказали, что онъ дѣйствительно мало соотвѣтствуетъ высокому посту профессора русской исторіи Кіевскаго университета, къ которому онъ такъ упорно стремится. Это именно стремленіе его—занять кафедру университета—и вызвало настоящую газетную статью. Мы хотѣли вызвать г. Грушевскаго на поединокъ и на этомъ поединкѣ доказать, что г. Грушевскій не можетъ быть профессоромъ русской исторіи въ русскомъ университетѣ. Мы хотѣли, чтобы г. Грушевскій либо путемъ печати, либо путемъ гласнаго и открытаго суда опровергъ бы возводимое на него обвиненіе въ ученой несостоятельности и подтасовкѣ историческихъ событій. Но... г. Грушевскій брошенной нами перчатки не поднялъ. На честный открытый бой онъ не вышелъ. Поневолѣ и намъ приходится свою защиту вести формальнымъ порядкомъ. Поддерживая въ этомъ отношеніи свою апелляціонную жалобу, я нахожу, что въ инкриминируемыхъ намъ выраженіяхъ не содержится злословія и брани. Вырван-

ныя г. Грушевскимъ выраженія—«ученый лгунъ, съ нахальной смѣлостью, не моргнувъ бровью, извращаетъ прямой смыслъ памятниковъ»—не могутъ быть разсматриваемы отдѣльно и обособленно отъ общаго смысла статьи. А общій смыслъ статьи ясенъ и опредѣленъ. Въ этой статьѣ разбирается научная дѣятельность г. Грушевскаго, оцѣнивается его умственный багажъ и, какъ конечный выводъ подчиненія его научнаго багажа политическимъ тенденціямъ украинскаго сепаратизма, помѣщено вышеприведенное выраженіе. Весьма характерно въ этомъ отношеніи то, что г. Грушевскій не обидѣлся на болѣе горькіе для него эпитеты и прошелъ ихъ таинственнымъ молчаніемъ. Г. Грушевскій не привлекъ насъ за то, что мы въ той же статьѣ назвали его—«политическимъ еретикомъ, злобнымъ политиканомъ, врагомъ Россіи, союзникомъ иныхъ ея враговъ, профессоромъ, разучившимся говорить по-русски». (Въ это время г. Предсѣдательствующій останавливаетъ защитника словами, что отъ усмотрѣнія обвинителя зависитъ обидѣться на то или другое выраженіе, и это защиты не касается). Я понимаю, что это не дѣло защиты, но моя обязанность указать суду, что нельзя вырывать отдѣльныя выраженія, обособлять ихъ отъ общаго смысла статьи и приписывать намъ то, чего мы не хотѣли и не хотимъ совершить. Что это такъ, что моя мысль о недѣлимости смысла газетной статьи правильна, видно изъ рѣшеній Сената по дѣлу Пиперса и по дѣлу Дорна. Я не буду утомлять Палату дальнѣй-

шимъ юридическимъ анализомъ вмѣняемаго намъ преступленія, скажу только одно:—если здѣсь о чемъ нибудь и можетъ говорить г. Грушевскій, такъ только о ст. 1535, т. е. о клеветѣ въ печати. Но тогда мы не были бы лишены возможности доказать, что наша терминологія совершенно справедлива и что его историческія изслѣдованія вполне отвѣчаютъ представленію объ «ученой лжи». Пусть г. Грушевскій привлекаетъ насъ по надлежащей статьѣ и мы дадимъ ему надлежащій отвѣтъ.

Послѣднее слово предоставлено было подсудимому, Б. М. Юзефовичу, который заявилъ, что ему остается только вкратцѣ повторить то, что сказано было имъ въ свою защиту при разборѣ дѣла въ Окружномъ Судѣ, но что предварительно онъ считаетъ долгомъ остановиться на словѣ «доносъ», произнесенномъ по его адресу представителемъ обвиненія. Въ этомъ мѣстѣ рѣчи онъ былъ остановленъ г. Предсѣдательствующимъ, замѣтившимъ ему, что рѣчь обвинителя на этомъ же словѣ была также пріостановлена. Однако-же, заявилъ г. Юзефовичъ, такъ какъ г. Извѣковъ слово это успѣлъ произнести, то онъ, Юзефовичъ, считаетъ себя въ правѣ указать на его полную, въ данномъ случаѣ, необоснованность. Понятіе о доносѣ вмѣщаетъ въ себѣ два основныхъ условія, а именно: во-первыхъ, доносчикъ собираетъ свои свѣдѣнія негласными путями, во-вторыхъ, онъ пишетъ свой доносъ либо анонимно, либо обставляетъ его надлежащею тайною. Ни того, ни другого признака въ данномъ дѣлѣ не существуетъ: данныя, приведенныя

въ статьѣ о г. Грушевскомъ, почерпнуты не изъ интимной жизни или негласной дѣятельности этого послѣдняго, а изъ сочиненій, выпущенныхъ имъ въ свѣтъ, что легко было бы доказать, если бы г. Грушевскій не позаботился укрыться отъ такихъ изобличеній статьями 1039 и 1040 улож. о наказаніяхъ. Что же касается самаго факта изобличенія г. Грушевскаго въ легкомысленномъ или злонамѣренномъ пренебреженіи исторической истиною, то онъ, Юзефовичъ, не затруднился выступить съ нимъ за полною своею редакторскою подписью, которою онъ неизмѣнно скрѣпляетъ все, что когда-либо выходило или выходитъ изъ подъ его пера или за его редакторскою отвѣтственностью.

Засимъ, г. Юзефовичъ, упомянувъ о томъ, что и самъ онъ постоянно является предметомъ травли со стороны еврейской революціонной печати, выступающей противъ него со всякой бранью, карриатурами и т. п., никогда не считалъ совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ преслѣдовать своихъ хулителей судомъ, а потому, какъ представитель «черносотеннаго» направленія, онъ не можетъ не удивляться тому, что такой просвѣщенный представитель «освободительнаго» движенія, какъ г. Грушевскій не нашелъ болѣе достойнаго его учености и либерализма способа самозащиты, какъ привлеченіе его, Юзефовича, къ суду за то, что въ качествѣ редактора газеты онъ оказался недостаточно придиричвымъ цензоромъ и не примѣнилъ красныхъ чернилъ къ нѣсколькимъ, хотя и правдивымъ, но, быть мо-

жетъ, нѣсколько рѣзкимъ критическимъ выраженіемъ, столь оскорбившимъ авторское самолюбіе г. Грушевскаго.

Судебная палата, выслушавъ рѣчи представителя интересовъ профессора Грушевскаго — прис. повѣр. Извѣкова и защитника прис. повѣр. Матусевича, а также личныя объясненія бывшего редактора Юзефовича, объявила послѣ непродолжительнаго совѣщанія вердиктъ и, отмѣнивъ приговоръ окружного суда, признала дворянина Юзефовича оправданнымъ по суду.

Кіевлянинъ 1907 юда № 347.

Къ замѣщенію каедры русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра.

Въ кіевскихъ газетахъ недавно появилось извѣстіе о томъ, что на вакантную каедру русской исторіи, замѣщеніе коей должно произойти по конкурсу, выступилъ претендентомъ извѣстный галицкій дѣятель и профессоръ Львовскаго университета Михаилъ Грушевскій. Срокъ, положенный закономъ для производства конкурса, продолжается нѣсколько мѣсяцевъ, такъ что только къ веснѣ станетъ извѣстно сужденіе факультета и совѣта университета о пригодности г. Грушевскаго для занятія каедры русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра. Говорятъ, что г. Грушевскому принадлежитъ очень много ученыхъ трудовъ, по которымъ факультету придется произносить свое сужденіе. Но г. Грушевскій ревнуетъ о славѣ не только ученаго, но также и публициста съ политической окраской. Ему принадлежитъ множество брошюръ какъ на русскомъ, такъ и на его особомъ, маловразумительномъ даже для здѣшнихъ малороссовъ, галицкомъ языкѣ. Одно изъ такихъ его произведеній, написанное по-русски, случайно попало мнѣ недавно въ руки, а именно, изданная въ Петербургѣ въ типографіи «Общественная Польза» брошюра подъ заглавіемъ: «Единство или распаденіе Россіи». Содержаніе этого небольшого произведенія ученаго пера г. Грушевскаго поразило

меня своей простотой и ясностью. Ученый авторъ предсталъ предо мною во всемъ величїи своего пониманія исторїи нашей родины и современнаго положенія нашего отечества. На пространствѣ 13 страницъ небольшого формата г. Грушевскій блистательно разобралъ и рѣшилъ поставленную имъ въ заголовкѣ дилемму.

Подъ блестящимъ и острымъ, какъ бритва, ножомъ его анализа весь великій трудъ многихъ поколѣній, сложившихъ русское государство, предстаетъ въ удивительно простой формѣ. Россія слагалась въ единое государство не въ силу какихъ либо идей, жившихъ въ народномъ сознанїи, а чисто механически, вопреки всякимъ реальнымъ интересамъ и всякой правдѣ. «Московское государство, выросшее на территорїи волжско-окскаго бассейна, на великорусской почвѣ, считало себя, на основанїи династическихъ традицій, преемникомъ Кїевского государства, выросшаго въ экономическихъ условїяхъ днѣпровско-балтїйскаго воднаго пути, на территорїи украинской. Несмотря на все отличїе экономическихъ, колонизаціонныхъ и этнографическихъ условїй, московское правительство смотритъ на бывшія провинціи Кїевского государства, какъ на сферу своихъ интересовъ, ставитъ задачею своей политики собиранїе этихъ «отчинъ» своей династїи». «Включенїе земель литовскихъ и польскихъ было вызвано не какими-либо реальными, экономическими и политическими интересами Россійскаго государства, а явилось простымъ результатомъ соперничества, за спор-

ныя земли, за историческія «отчины» московскихъ государей». «Увеличеніе государства» было «цѣлью государственной политики», «вопросомъ чести и соперничества для отдѣльныхъ правителей». «Государство «созидалось» и «умножалось» для государства, точнѣе—для правителей или бюрократической орды». «Расширеніе государственной территоріи на востокъ и сѣверо-востокъ возникло изъ чисто наѣздническихъ авантюръ, въ стилѣ американскихъ конквистадоровъ». «Исторія Сибири «подъ владычествомъ Россіи» представляетъ собою одинъ ужасный мартирологъ грабежа и издѣвательства надъ беззащитнымъ населеніемъ». «Украина почувствовала, какъ щупальцы московскаго бюрократическаго спрута проникають внутрь ея, задерживая свободное развитіе»... Россія—это «тюрьма народовъ». Она «разрослась и расширяла свои помѣщенія, увеличивала свои штаты и оклады и умножала армію навербованныхъ изъ отбросовъ тѣхъ же народовъ опричниковъ, охранявшихъ камеры арестантовъ и разрабатывавшихъ все новые и новые способы предупрежденія и пресѣченія». Россія представляетъ «механическій конгломератъ, лишенный всякаго внутренняго сдѣленія, сдерживаемый лишь внѣшней силой»...

И вотъ теперь насталъ моментъ, «когда возставшій народъ разбиваетъ двери всероссійской бастиліи». «Подневольные члены Россійскаго государства лишь на нашихъ глазахъ почувствовали впервые внутреннее единство и общность интересовъ, и этимъ единствомъ было единство борьбы съ угнетавшимъ ихъ

строемъ. «Сознаніе возможности свергнуть это общее иго, разбить цѣпи, оковывавшія одинаково и «покоренные народы», и разныя области, и части государственнаго великорусскаго народа, объединило въ одну армію ихъ представителей и они дружно пошли на общаго врага». Вопросъ будущаго состоитъ въ томъ: «Разойдется ли эта армія по окончаніи своего великаго подвига, или также дружно, общими силами она поведетъ дѣло созиданія и благоустроенія своего союза для цѣлей мирнаго производительнаго труда?»

Очевидно, отъ того, какъ жизнь рѣшитъ этотъ вопросъ, и зависитъ будущее, т. е. единство Россіи или ея распаденіе. Что общій врагъ будетъ сокрушенъ, въ этомъ авторъ не сомнѣвается. Онъ такъ серьезно изучилъ прошлое «тюрьмы народовъ», такъ глубоко проникъ въ сущность историческаго процесса, создавшаго русское государство, такъ ясно уразумѣлъ, что «всякая внутренняя связь его частей вытравлена и разрушена даже тамъ, гдѣ она нѣкогда существовала», что для него нѣтъ сомнѣній въ томъ, что «армія представителей» добьется своей великой цѣли. Ему не страшенъ и «маленькій капралъ», и это потому, что «понадобились бы, вѣроятно, цѣлые взводы такихъ капраловъ, чтобы привести возставшіе теперь народы и области Россіи подъ иго централизма». «Положеніе совершенно ясное», вѣщаетъ авторъ. Итакъ, врагъ будетъ поверженъ или, быть можетъ, уже простертъ подъ пятою «представителей»...

По истинѣ великій ученый г. Грушевскій! Какъ онъ превосходно понялъ и прошлое, и настоящее нашего бѣднаго отечества! Какъ глубоко онъ проникъ въ реальныя причины историческихъ событій, сколько знанія и высокаго разумѣнія онъ представилъ въ этой малой брошюрѣ, освѣщающей такимъ яркимъ свѣтомъ наше историческое бытіе... Съ глубокимъ убѣжденіемъ и увлеченіемъ выступаетъ онъ въ роли одного изъ «представителей», которые, по его словамъ, громятъ въ настоящее время «тюрьму народовъ», «разбиваютъ двери всероссійской бастиліи»... Чей онъ «представитель», мы не знаемъ. Не похожъ ли онъ болѣе на тѣхъ грубыхъ буяновъ-студентовъ, что разбиваютъ двери запертыхъ аудиторій, чтобы устроить тамъ дикое галдѣніе во славу революціи, или, какъ въ галицкомъ Львовѣ, рвутъ портреты ректоровъ и ломаютъ мебель, чѣмъ на ученаго, который служитъ великому дѣлу просвѣщенія? Что его разумѣніе прошлаго есть одно лишь неразуміе и самое убогое невѣжество, — это совершенно ясно и не нуждается въ доказательствахъ. Но и то настоящее, какое онъ себѣ представляетъ, этотъ разгромъ «тюрьмы народовъ» — не есть ли просто галлюцинація распаленнаго воображенія, или сонное видѣніе убогаго духа... Представители русскаго государства собрались въ Государственной Думѣ на великое служеніе государственному дѣлу и по мѣрѣ силъ и умѣнія приступили къ работѣ. Представители «освободительнаго движенія» совершаютъ кое-гдѣ герценштейновскія иллюминаціи, разбои и убій-

ства. Государственная власть борется съ этими врагами общественнаго порядка. А распропагандированная молодежь въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ все еще мнитъ себя въ борьбѣ съ «россійской бастиліей» и во славу революціи не только не учится сама, но и мѣшаетъ учиться благомыслящей части студенчества. Если г. Грушевскій причисляетъ и себя къ «представителямъ», то его мѣсто, очевидно, среди этихъ тирановъ русскаго просвѣщенія и насилія надъ свободой и истиной во славу тьмы и невѣжества.

Профессоръ.

Окраины Россіи 1907 года №№ 45 и 46.

Украиноманія у насъ и за рубежомъ.

I.

Выдающееся положеніе, занимаемое нынѣ въ средѣ нашихъ и зарубежныхъ украиномановъ профессоромъ Львовскаго университета и председателемъ «Науковаго товариства имени Шевченка» Мих. Грушевскимъ, заставляетъ обратить вниманіе на вышедшій недавно сборникъ его статей и замѣтокъ, озаглавленный: «Освобожденіе Россіи и Украинскій вопросъ» (СПБ. 1907). Конечно, для лицъ, слѣдящихъ за украиноманскою печатью, въ этомъ сборникѣ не много новаго, такъ какъ изъ 22 вошедшихъ въ него статей лишь 2 (именно 11 и 20-я) появляются въ печати впервые; остальные же перепечатаны то изъ «Украинскаго Вѣстника», то изъ «Литературно-науковаго Вістника», то изъ «Рады», то изъ нашихъ освободительныхъ газетъ «Сына Отечества» и «Страны», то, наконецъ, изъ франкфуртскаго изданія «*Russen über Russland*» (1906 г.).

Ничего новаго не представляютъ и темы г. Грушевскаго, а равно ихъ обработка и выводы. Для всѣхъ, знавшихъ этого автора, было очевидно, что въ моментъ нашего «освободительнаго движенія» онъ попытается присосаться къ его дѣятелямъ, чтобы, при ликвидаціи исторической Россіи, урвать въ ней мѣсто для «самостійной Украйны». Но все же способъ этого присасыванія настолько характе-

ренъ для нынѣшняго украинomanства, что мы считаемъ нужнымъ остановить на немъ вниманіе нашихъ читателей.

II.

Подобно прочимъ дѣятелямъ и дѣльцамъ нашего «освободительнаго движенія», г. Грушевскій на каждой страницѣ своего сборника мечетъ громы на російскую бюрократію—старого и новаго времени, особенно упрекая ее въ грѣхахъ противъ Украины, ея народа, языка и независимости; разсыпается въ любезностяхъ передъ нашими освобожденцами и революціонерами; льститъ социалистамъ и евреямъ, какъ своимъ союзникамъ въ борьбѣ съ «общимъ врагомъ»; славословитъ Гос. Думу второго созыва, особенно образовавшуюся-было тамъ группу автономистовъ-федералистовъ; умоляетъ ихъ, при перестройкѣ Россіи на началахъ «національно-территоріальной автономіи» всѣхъ ея народностей, не забывать объ Украинѣ, съ ея 30-милліоннымъ населеніемъ. Ея права на автономію опредѣляются-де не только многомилліонностью украинцевъ, но и ихъ племенной и исторической отдѣльностью, чуть ли не со временъ Атилы; самобытностью ихъ физическаго и психическаго типа; независимостью ихъ языка среди прочихъ славянскихъ; своеобразностью ихъ архимократическаго бытоваго уклада; наконецъ, ихъ исконными стремленіями къ политической отдѣльности, которыя не исчезли-де и теперь, несмотря на вѣковой гнетъ сначала поляковъ, а потомъ москалей, сопровождавшійся измѣною верхнихъ слоевъ

населенія и затемнѣніемъ народнаго сознанія въ массахъ. На фонѣ этой картины въ довольно симпатичныхъ чертахъ рисуются автору личности украинскихъ сепаратистовъ Выговскаго, Дорошенка, Мазепы, даже Капниста, въ его предательскихъ сношеніяхъ съ прусскимъ канцлеромъ (въ 1791 г. ср. стр. 19, 42)...

Въ близкомъ же будущемъ автору уже грезится картина украинскаго сейма, избраннаго по четыреххвосткѣ и самостоятельно законодательствующаго въ Украинѣ. Въ парламентѣ же общерусскомъ этотъ сеймъ будетъ-де представленъ тремя-четырьмя десятками избранныхъ имъ делегатовъ, которые, совместно съ делегатами сеймовъ польскаго, вѣроятно латышскаго, армянскаго и другихъ, будутъ обсуждать приблизительно тѣ же дѣла, какія выдѣлены для этого парламента въ пресловутомъ проектѣ польской автономіи, внесенномъ 10 апрѣля 1907 г. во вторую Гос. Думу.

Конечно, въ этой будущей Украинѣ, какъ и въ будущей автономной Польшѣ, станутъ судить и рядить не москали, а только свои люди, на своемъ языкѣ, на свою руку и въ своемъ духѣ. Даже въ церковномъ отношеніи Украина отдѣлится-де тогда отъ Святѣйшаго Синода и получитъ автокефальную іерархію...

III.

Для чего же все это нужно и какими реальными потребностями вызывается? Въ отвѣтъ авторъ твердитъ на тысячу ладовъ, что украинцы настолько

обособились отъ прочихъ вѣтвей «восточнаго славянства», что не могутъ уже жить общей съ ними жизнью, ни въ экономическомъ, ни въ общественномъ, ни въ литературномъ, ни въ политическомъ отношеніи. Главною же помѣхою для такого общезитія является—де громадное разстояніе между языками украинскимъ и великорусскимъ, котораго не можетъ уже побѣдить ни школа, ни литература, ни жизнь. Сверхъ того историческія задачи украинцевъ настолько-моль расходятся съ великорусскими, что представителямъ первыхъ трудно найти общую почву для соглашенія съ носителями вторыхъ. Такъ, на примѣръ, можетъ ли украинецъ въ чемъ нибудь сойтись съ москалемъ черносотенцемъ? Даже съ московскими «народовцами» украинцу трудно достигъ соглашенія, ибо въ программѣ первыхъ на первомъ планѣ стоятъ задачи социально-освободительныя, у вторыхъ же, наоборотъ, національно-освободительныя. Въ доказательство, что конституція сама по себѣ не можетъ обезпечить украинцевъ отъ эксплуатаціи ихъ москалями, приводится примѣръ нынѣшней Галиціи, гдѣ вѣнскій парламентъ и львовскій сеймъ нимало не гарантировали украинцевъ отъ польскаго гнета. Что же касается розказней про «общерусскую культуру», то г. Грушевскій причисляетъ ее къ тѣмъ фетишамъ, которые, всего больше, содѣйствовали приниженію національнаго сознанія украинцевъ. Потому-то онъ полагаетъ, что низверженіе этого фетиша,—которому, скажемъ въ скобкахъ, тысячу лѣтъ поклонялись русскіе люди, начиная съ

нашихъ «богатырей сумрака», затѣмъ въ лицѣ и дѣятельности лѣтописца Нестора, Даніила Паломника, автора Слова о Полку Игоревѣ, митрополита Петра, князей и царей-собирателей Руси, Богдана Хмельницкаго, Ломоносова, Пушкина, Гоголя, — составляетъ священную обязанность не то, что г. Грушевскаго, а всего нашего правительства, представительства и общества, отъ которой они не въ правѣ-де уклониться (стр. 40)!

IV.

Но чѣмъ же подтверждаетъ авторъ свои положенія о двухъ русскихъ народахъ, двухъ языкахъ, литературахъ, культурахъ? Главнымъ образомъ ссылками на свой «Очеркъ исторіи украинскаго народа», составляющій сокращеніе его же «Исторіи України—Руси» (Львовъ 1904 г. слѣд.). Но если даже признать, что сочиненіе это заслуживаетъ почетнаго отзыва, присужденнаго ему недавно нашей Акад. Наукъ, несмотря на его явную тенденціозность и ненаучность, отмѣченныя напр. въ недавней рецензій черновецкаго профессора Мильковича, — то все же ссылки эти имѣютъ характеръ только историческій, а слѣдовательно не могутъ рѣшить спорныхъ вопросовъ русской этнологіи и діалектологіи, куда главнѣйше примыкаетъ и вопросъ о единствѣ или двойственности русскаго языка и народа.

Г. Грушевскій не могъ этого не чувствовать, и вотъ въ двухъ мѣстахъ своего сборника онъ сдѣлалъ попытку опереться въ данномъ случаѣ на единомысліе съ нимъ нашей Акад. Наукъ, а именно:

1. Въ перепечатанной изъ «Сына Отечества» отъ 7 мая 1905 г. статьѣ «Равною мѣрою» авторъ говоритъ:

...«Или можетъ быть для украинцевъ все еще считаются родными языкъ и литература великорусскіе? Послѣ того, какъ Акад. Наукъ, отвѣчая въ своей Запискѣ на вопросъ Комитета министровъ по поводу ограниченія украинскаго языка (Императ. Акад. Наукъ: Объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова, СПб. 1905 г., официальное изданіе), съ полной опредѣленностью выяснила, что «русская литература» есть литература великорусская и «русскій языкъ» — литературный великорусскій, а отнюдь не общерусскій языкъ,—въ этомъ не должно быть сомнѣнія и для правительственныхъ сферъ, обращавшихся къ компетентному мнѣнію Академіи по этому вопросу» (стр. 102).

2. Въ статьѣ же «Невѣроятно», перепечатанной изъ «Сына Отечества» отъ 18 сентября 1905 года, сообщены по этому дѣлу и нѣкоторыя дополнительные подробности, а именно указано, что упомянутый запросъ въ Академію Наукъ отъ Комитета министровъ былъ вызванъ обсужденіемъ способовъ исполненія указа 12 дек. 1904 г. объ устраниніи изъ постановленій о печати излишнихъ стѣсненій, а въ томъ числѣ Высочайшихъ повелѣній 1876 и 1881 гг., коими запрещалось печатаніе на малороссійскомъ языкѣ всякаго рода сочиненій, за исключеніемъ историческихъ документовъ, словарей и произведеній изящной словесности. Означенный запросъ

обращенъ-де былъ сверхъ А. Н. еще къ Кіевскому и Харьковскому университетамъ. «Академія Наукъ», читаемъ мы дальше въ этой статьѣ, «въ обширной Запискѣ выяснила всю неосновательность ходячаго въ охранительныхъ кругахъ положенія, что такъ наз. «русскій литературный языкъ» есть языкъ общерусскій, дѣлающій излишнимъ употребленіе въ литературѣ языка украинскаго; она указала, что упомянутый языкъ есть языкъ великорусскій, а не общерусскій, литература на немъ существующая—литература великорусская, и ея существованіе не удовлетворяетъ потребности украинской народности въ литературѣ на своемъ родномъ языкѣ (стр. 107—108).

V.

При томъ авторитетѣ, которымъ обыкновенно пользуются въ вопросахъ литературнаго языка національныя Академіи Наукъ (напр., французская, итальянская, испанская) и которымъ отчасти располагала и наша Академія при Востоковѣ, Срезневскомъ, Гротѣ, приведенныя ссылки г. Грушевскаго на неизвѣстную раньше нашей публикѣ «Записку А. Н.» о двухъ русскихъ языкахъ не могли не обратить на себя вниманія русскаго читателя,—что можно видѣть и изъ недавней статьи г. Н. Энгельгардта п. з. «Оффиціальное упраздненіе русскаго языка» («Н. Время» № 11359). Не мало озадачило это сообщеніе и насъ, хотя мы были до нѣкоторой степени къ нему подготовлены событіями, происходившими

въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности со времени утвержденія въ немъ вліянія хорватскаго славяновѣда проф. Ягича. Такъ, намъ было извѣстно, что еще въ 1903 г. на «Предварительномъ създѣ русскихъ филологовъ», происходившемъ въ Петербургѣ подъ предѣдательствомъ г. Ягича, втихомолку принято было постановленіе, что въ задуманной нашей А. Н. «Энциклопедіи по славяновѣдѣнію» отведено будетъ мѣсто не для одного русскаго языка съ его разновидностями, а для двухъ, именно 1. «русскаго, т. е. великорусскаго и 2. русскаго (не русскаго-ли?), т. е. малорусскаго». Когда однимъ изъ членовъ съезда выражено было Отдѣленію недоумѣніе по поводу этого плана, то послѣднее, признавая себя «приверженцемъ идеи литературнаго единства Руси», въ тоже время высказалось за признаніе нынѣшняго нашего образованнаго языка только великорусскимъ, хотя и находило — вопреки гг. Огоновскому и Грушевскому — что былъ «длинный историческій періодъ, когда всѣ русскія нарѣчія жили общей жизнью и переживали при этомъ рядъ общихъ фонетическихъ и морфологическихъ измѣненій».

Съ 1904 г. А. Н. стала допускать на страницахъ своихъ изданій статьи и на «украинскомъ языкѣ», хотя въ ту пору не были еще упразднены вышеупомянутыя Высочайшія повелѣнія отъ 1876 и 1881 гг. Такъ напр., въ первомъ выпускѣ «Статей по славяновѣдѣнію», изданномъ II Отд. Имп. А. Н. (СПБ. 1904 г.), напечатаны три статьи на этомъ «языкѣ» г. М. Грушевскаго. Въ одной изъ этихъ статей онъ

признаетъ терминъ «русскій» по отношенію къ нашей исторіи «баламутскимъ» и предлагаетъ всячески избѣгать его, такъ какъ при отсутствіи общерусской народности не можетъ-де быть и общерусской исторіи, а развѣ исторія російскаго государства, исторія русскихъ народностей (какъ у проф. Карѣва въ 1-ой Гос. Думѣ) или еще точнѣе—исторія великорусскаго народа, исторія малорусскаго народа, исторія бѣлорусскаго народа. Въ видѣ же родового наименованія всѣхъ этихъ «народовъ» авторъ совѣтуетъ пользоваться терминомъ «Восточное Славянство» (стр. 299—304).

Изъ вышедшей недавно книги Т. Д. Флоринскаго п. з. «Славянское племя» (Кіевъ 1907 г.) мы узнали, между прочимъ, что это сочиненіе, представляющее «статистическо-этнографическій обзоръ современнаго Славянства», предназначалось для упомянутой «Энциклопедіи по славяновѣдѣнію», — издаваемой г. Ягичемъ засчетъ нашей А. Н.,—но не могло туда войти «по независѣвшимъ отъ автора обстоятельствомъ». Перелиставъ книгу г. Флоринскаго, мы догадались, что однимъ изъ этихъ «обстоятельствъ» могъ быть несогласный съ вышеупомянутой программой «Энциклопедіи» взглядъ автора на двойственность русскаго языка и народа. Г. Флоринскій отрицательно относится къ пропагандируемой, главнымъ образомъ изъ Галичины, «несостоятельной идеѣ полной обособленности и самостоятельности малоруссовъ» въ отношеніяхъ «племенномъ, языковомъ, культурномъ и политическомъ» (стр. 36). Малорусскую на-

родность и авторъ признаеть «одной изъ трехъ крупныхъ разновидностей русскаго народа», сложившейся не ранѣе 14—16 в.в.; присвоенныя же этой народности и рѣчи галицкими и нашими сепаратистами названія — народъ или языкъ рутенскій, русинскій, украинскій г. Флоринскій признаеть искусственными и неудачными (стр. 37 — 38). Понятно, что это не могло понравиться г. Ягичу, который, занявъ въ Вѣнѣ университетскую кафедру «гофслависта» Миклошича, почувствовалъ слабость къ размноженію славянскихъ языковъ, обогативъ уже ихъ нѣсколькими новыми претендентами, въ видѣ напр. языковъ боснійскаго, старосербскаго, македонскаго. Съ его легкой руки и нѣкоторые члены II Отд. Акад. Наукъ проектировали уже въ 1903 г. причислить къ международнымъ языкамъ, допускаемымъ на общеславянскомъ съѣздѣ, и такіе «языки», какъ горенскій, доленскій, черногорскій, македонскій и — last not least—украинскій.

Этими же вѣнскими вліяніями объясняемъ мы себѣ упомянутое г. Энгельгардтомъ изданіе «У Петербурзі» Академіею Наукъ этнографической карты Закарпатской Руси въ украинско-фонетической транскрипціи. Въ недавнее время ходили слухи и о предположенномъ II Отдѣл. Акад. Наукъ избраніи въ ея дѣйствительные члены гг. Грушевскаго и Франка, за ихъ якобы научную дѣятельность во Львовскомъ «Товариствѣ» Шевченка, которому г. Ягичъ уже давно сулитъ роль второй русской Акад. Наукъ. Къ счастью, эти слухи пока не оправдались.

VI.

Хотя такимъ образомъ мы были подготовлены къ сообщенію г. Грушевскаго о прикосновенности нѣкоторыхъ членовъ нашей Акад. Наукъ къ украинomanскому движенію, тѣмъ не менѣе его увѣреніе, будто вся Академія Наукъ высказалась за двойственность русскаго языка и литературы, будто вся она признаетъ нашъ образованный языкъ не общерусскимъ, а только великорусскимъ, показалось намъ невѣроятнымъ. Мы подумали, что если дѣйствительно наша Акад. Н. признаетъ русскій языкъ только великорусскимъ, то почему она не возбуждаетъ ходатайства о переименованіи «Отдѣленія русскаго языка и словесности» въ «Отдѣл. великорусскаго языка», или, пожалуй, въ «Отдѣленіе двухъ русскихъ языковъ и словесностей»?..

Необходимымъ представлялось отыскать то «официальное изданіе» Имп. Акад. Н., на которое ссылается г. Грушевскій, чтобы убѣдиться, не напуталъ ли, по обычаю, этотъ тенденціозный бытописатель «украинцевъ», объявивъ Акад. Н. своимъ единомышленникомъ въ ученіи о «самостійности Украины»?

Такъ на дѣлѣ и оказалось. Во-1, то «официальное изданіе», на которое ссылается г. Грушевскій, имѣетъ характеръ не книги, а печатной рукописи, которая не была пущена въ продажу, почему и не имѣетъ характера открытаго, обращеннаго къ читающей публикѣ заявленія Акад. Н.

Во-2, въ этомъ изданіи лишь первая часть, выражающая постановленіе общаго собранія Акад. Н.,

можетъ считаться коллективнымъ ея заявленіемъ. Но въ этомъ постановленіи говорится только о необходимости отмѣны цензурныхъ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова и вовсе не имѣется заключеній объ общерусскомъ или великорусскомъ характерѣ нашего образованнаго языка, хотя, къ сожалѣнію, онъ и названъ тамъ, разъ-другой, очевидно по недосмотру, великорусскимъ.

Въ-3, составляющая вторую часть «изданія» Записка составлена не отъ имени Ак. Н., а отъ имени особой комиссіи изъ семи членовъ, въ числѣ коихъ, подъ предсѣдательствомъ латиниста Корша, находились: санскритистъ Ольденбургъ, сравнительникъ Фортунатовъ, славяно-русскій филологъ Шахматовъ, историкъ Лаппо-Данилевскій, зоологъ Заленскій и ботаникъ Фаминцинъ.—Въ скобкахъ отмѣтимъ, что пять изъ этихъ академиковъ входили въ группу 14, подписавшихъ въ январѣ 1905 г. пресловутое заявленіе 342.—Отвѣчая на запросъ гр. Витте, эта комиссія въ Запискѣ, составленной, вѣроятно, академикомъ Коршемъ, очень обстоятельно рассмотрѣла стѣснительныя для малорусовъ Высочайшія повелѣнія 1876 и 1881 гг. и убѣдительно доказала необходимость ихъ отмѣны. Но вопроса о единствѣ русскаго языка и народа она коснулась лишь вскользь, при чемъ запуталась въ очевидныхъ противорѣчіяхъ. Такъ, на стр. 20-й, Записка признаетъ «единую и нераздѣльную русскую народность», а на стр. 5-й приписываетъ «южной вѣтви русскаго народа» знаніе себя въ качествѣ этнографической величины,

особой отъ вѣтви сѣверной и имѣвшей свое самостоятельное прошлое». Имѣется, къ сожалѣнію, въ Запискѣ и одно такое мѣсто (на стр. 15—16), которое г. Грушевскій могъ, пожалуй, признать отрицаніемъ ея авторомъ общерусскаго характера нашего образованнаго языка. Въ языкѣ этомъ составитель Записки усматриваетъ отсутствіе одного признака, необходимаго, по его мнѣнію, для признанія этого языка общерусскимъ, а именно — не замѣчаетъ въ немъ «амальгамы, въ которой хотя бы не равномерно отразились особенности всѣхъ живыхъ русскихъ нарѣчій». Кромѣ того, онъ находитъ, что «усилія нашихъ великихъ писателей все болѣе сближали нашъ книжный языкъ съ народнымъ, и ничто еще не остановило того направленія, которое уже въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка сдѣлало нашъ литературный языкъ вполне великорусскимъ». Что же касается пріобрѣтеннаго этимъ языкомъ общерусскаго значенія, то авторъ не придаетъ ему особой важности, полагая, что «нынѣ, со времени возникновенія малорусскаго литературнаго языка, великорусскій, какъ чуждый малорусу, не можетъ быть сравненъ съ его родной рѣчью».

Не трудно видѣть, что въ случаѣ примѣненія, пророченной здѣсь авторомъ, теоріи объ «амальгамѣ» къ прочимъ общимъ языкамъ стараго и новаго времени, нигдѣ не оказалось бы таковыхъ, ибо всѣ они развивались на почвѣ какого нибудь одного живого нарѣчія, напр.: общегреческій аттическаго, общелатинскій римскаго, общенитальянскій тосканскаго, об-

щеиспанскій кастильскаго, общефранцузскій парижскаго, общеанглійскій лондонскаго, общенѣмецкій верхнесаксонскаго и т. д. Только общеславянскій языкъ Юрія Крижанича, скомпанованный изъ словарей и грамматикъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, соотвѣтствовалъ бы, пожалуй, идеалу «амальгамы»!

А какъ удивились бы Карамзинъ, Крыловъ, Пушкинъ, еслибъ они узнали, что общерусскій характеръ языка Ломоносова, Державина, Фонвизина именно они принизили до роли великорусскаго провинціализма! Какъ прослезился бы и Гоголь, если бы узналъ, что рѣчь Тараса Бульбы оказалась впослѣдствіи совершенно «чуждою малорусу»!

Замѣчательно, что даже львовскій украйноманъ Франко въ своей статьѣ «Literatura ukrainská (Slovansky Prehľad 1898 г.)» допускалъ, что «великорусская литература создана общими усиліями всего русскаго народа, ибо тамъ рядомъ съ Радищевымъ и Новиковымъ стоятъ Капнистъ и Карамзинъ, рядомъ съ Жуковскимъ Гнѣдичъ, а съ Пушкинымъ Гоголь». Казалось бы, на лицо всѣ условія для необходимой «амальгамы»!

Сознавая, повидимому, недостаточность такой мотивировки для признанія нашего образованнаго языка великорусскимъ, составитель Записки попытался подкрѣпить ее въ этомъ направленіи цѣлой дюжиной Приложеній, доставленныхъ—вѣроятно, очень извѣстными въ украйноманской средѣ—П. Стебницкимъ, С. Русовой, А. Русовымъ, А. Лотоцкимъ, П. Саладиновымъ, В. Науменкомъ, В. Леонтовичемъ, Е. Ш...

Не останавливаясь на этихъ Приложеніяхъ, представляющихъ собственно непріятельскій грузъ, провезенный подъ нейтральнымъ флагомъ, мы позволимъ себѣ только выразить сожалѣніе, что составители Записки не вникли ближе въ очень дѣльное предложеніе г. Военскаго—отвести для малорусской литературы мѣсто вспомогательной, побочной словесности при литературѣ общерусской, по образцу провансальской во Франціи и plattdeutsch въ Германіи (стр. 189). Такъ смотрѣлъ на дѣло и академикъ Пыпинъ, признававшій малорусскую литературу «одной изъ частныхъ литературъ русскаго языка».

VII.

Въ виду того, что г. Грушевскій въ выше указанныхъ статьяхъ пытается, хотя и въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, признать своими единомышленниками по данному вопросу еще Харьковскій и Кіевскій университеты, мы должны заявить, что въ представленныхъ этими университетами гр. Витте въ 1905 г. Запискахъ не имѣется никакихъ основаній для такихъ попытокъ.

Въ харьковской, напр., Запискѣ, составленной, вѣроятно, проф. Сумцовымъ, прямо констатировано словесное единство русскаго народа (стр. 4); нашъ литературный языкъ ни разу не названъ въ ней великорусскимъ, а наоборотъ общерусскимъ (стр. 15); какъ языку государственному, ему присваивается право на господство во всей Россіи (стр. 12); рѣчь малорусская признается лишь «нарѣчіемъ русскаго языка» (стр. 5); дѣлается предостереженіе отъ вклю-

ченія малоруссовъ въ разрядъ инородцевъ, такъ какъ они составляютъ часть основного русскаго ядра (стр. 15); выражается сожалѣніе о порчѣ примѣсями—польскими и нѣмецкими — языка галицко-украинскаго, такъ далеко-де ушедшаго отъ «изящной простоты и чистоты языка Квитки и Шевченка» (стр. 8). Если одновременно съ тѣмъ Харьковская записка рекомендуетъ примѣненіе малорусской рѣчи въ начальной школѣ, какъ педагогическаго приѣма, а равно и въ популярно научной литературѣ, то противъ этого не возражаютъ и приверженцы единства русскаго народа.

Тоже должно сказать и о Запискѣ университета св. Владимира, составленной, повидимому, проф. Дашкевичемъ. И здѣсь нашъ образованный языкъ ни разу не названъ великорусскимъ. Напротивъ, ему на всегда присваивается «значеніе живой и истинной эмблемы нашего національнаго единства» (стр. 7); подчеркиваются идея «общерусской духовной культуры» (стр. 5), общерусской «гражданственности» (стр. 5); для рѣчи же малорусской отводится мѣсто одного изъ второстепенныхъ языковъ (стр. 4), на подобіе провансальскаго во Франціи и нижнесаксонскаго или шлезвигскаго въ Германіи (5, 7).

VIII.

Насколько запоздалыми и приземистыми по историческому горизонту окажутся разъединительные планы гг. Грушевскихъ, Франковъ, Ягичей, если мы сравнимъ ихъ съ тѣмъ твердымъ и неподдаваемымъ убѣжденіемъ въ единствѣ русскаго языка и народа,

какое прозвучало недавно, съ высоты вѣнской парламентской трибуны, въ сказанныхъ на нашемъ образованномъ языкѣ рѣчахъ галицкихъ депутатовъ Маркова и Глѣбовицкаго! Несмотря на злостное шипѣніе двухъ дюжинъ единомышленныхъ съ г. Грушевскимъ україноманскихъ депутатовъ того же парламента изъ Галиціи и Буковины, мужественныя рѣчи гг. Маркова и Глѣбовицкаго были очень сочувственно встрѣчены чешскими и многими другими славянскими депутатами райхсрата, а затѣмъ — что еще важнѣе — поддержаны въ сотняхъ народныхъ вѣчъ, созданныхъ по этому поводу въ Галиціи представителями русско-народной партіи. На этихъ вѣчахъ предано всенародному осужденію лжеученіе о племенной и культурной «самостійности» украинцевъ и постановлено хранить, какъ святыню, свое русское имя и унаслѣдованное отъ предковъ сознание единства русскаго языка и народа!

Но не то же ли замѣчается и у насъ въ верхнихъ и нижнихъ слояхъ украинскаго населенія, которое, какъ извѣстно, не пропустило уже въ третью Гос. Думу ни Шрага, ни Шемета, ни Сайка, ни Хвоста,—вообще ни одного україномана, за исключеніемъ развѣ профессора Лучицкаго! Впрочемъ, и этотъ послѣдній, съ грѣхомъ пополамъ, прошелъ въ Кіевѣ на основаніи не україноманской программы, а еврейско-кадетской.

А. Б.

Новое Время 1908 года № 11453.

Кризисъ современнаго украинства.

Извѣстіе о томъ, что Синодъ рѣшилъ допустить къ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ на Украинѣ книги и даже учебники нѣкоторыхъ предметовъ, составленные на украинскомъ языкѣ, внушаетъ кадетской «Рѣчи» большую тревогу. Казалось бы, это извѣстіе должно радовать газету. На дѣлѣ ей чуется что-то недоброе. Новая политика Синода можетъ, по соображеніямъ «Рѣчи», отразиться на массѣ украинскаго духовенства, которое сумѣетъ придать украинскому движенію новый колоритъ. Она можетъ отразиться и на украинскихъ священникахъ, депутатахъ Г. Думы, которые, вмѣстѣ съ малорусскими крестьянами, могутъ образовать новую украинскую фракцію, и, чего добраго, въ составъ ея можетъ, пожалуй, войти лидеръ духовенства епископъ Евлогій.

Въ такомъ случаѣ можетъ, пожалуй, сложиться украинскій «черносотенный ферментъ», онъ можетъ оставить извѣстный слѣдъ въ дальнѣйшей группировкѣ украинскихъ партій. Однимъ словомъ, украинство на правомъ крылѣ или даже въ центрѣ можетъ составить противовѣсъ тому украинству, которое «по скольку оно было сознательнымъ, всегда было оппозиціоннымъ».

Опасность, какъ видите, не малая. На нее уже обратилъ вниманіе въ кievской «Радѣ» проф. М. Гру-

шевскій сейчасъ же послѣ выборовъ въ нынѣшнюю Г. Думу, когда оказалось, что не осталось и слѣда отъ того украинства, которое какъ будто стало обрисовываться въ первой Г. Думѣ и какъ будто начало организоваться во второй подѣ руководствомъ «сына Украины, ея потомственного казака», деп. Сайка.

Невеселое положеніе украинства у насъ было бы, конечно, очень легко объяснить воздѣйствіемъ «истинно-русской» реакціи, если бы то же самое явленіе не замѣчалось и въ «украинскомъ Пьемонтѣ—Галичинѣ, казалось бы, достаточно застрахованной отъ «истинно-русскихъ» вліяній. Между тѣмъ оказывается, что, несмотря на все усердіе и полную свободу дѣйствій, украинцамъ такъ и не удалось очистить Галичину отъ такъ называемаго «москвофильства», т. е. стремленія къ обще-русскому единенію. Сторонники его попали даже въ число депутатовъ новаго парламента и здѣсь открыто и громко доказывали, что «украинскаго» народа нѣтъ даже въ «украинскомъ Пьемонтѣ», а «есть только галицкая часть одного русскаго народа». «Затѣмъ на москвофильскомъ сѣздѣ въ Львовѣ поведеніе этихъ депутатовъ было одобрено», а затѣмъ пошли «митинги и отчаянныя усилія оживить инертную массу москвофильства и извлечь изъ нея признаки активности, которой она до сихъ поръ была лишена».

Обо всемъ этомъ сообщаетъ проф. Грушевскій въ «Н. Вѣкѣ». Правда, онъ не обмолвился ни словомъ ни о томъ, что эти митинги были многочисленны, ни о томъ, какой кличъ раздался на нихъ громко

и рѣшительно. Но именно это умолчаніе и характерно въ статьѣ главы современнаго украинства. Въ стихійномъ пробужденіи общерусскаго національнаго чувства и сознанія Галичанъ проф. Грушевскій видитъ лишь «плодъ посява антипрогрессивнаго москвофильства». Однимъ словомъ, онъ ни на іоту не отступилъ отъ избитаго и затасканнаго украинскаго трафарета. Но за то онъ очень и очень удалился отъ дѣйствительной правды.

Галицкіе выборы даютъ возможность сравнительно точно подсчитать силы галицко-русскихъ партій. Подсчетъ данныхъ перваго голосованія даетъ слѣдующіе результаты. За «украинцевъ» подано 250.000 голосовъ, за русскихъ кандидатовъ 181.023.

Оказывается такимъ образомъ, что въ средѣ галицко-русской народной массы вовсе не такъ мало сторонниковъ обще-русскаго единенія, какъ можно бы ожидать, принимая во вниманіе продолжительное обособленіе Галицкой Руси и австро-польско-іезуитское хозяйничанье со всеми его ухищреніями. И будь это не такъ, не было бы въ Австріи и вопроса о русскомъ языкѣ. Для оцѣнки статьи г. Грушевскаго достаточно этого одного примѣра. Что-то, очевидно, не чисто, ибо иначе не надо было бы скрывать и замазывать правду. И дѣйствительно *то украинство, во главѣ котораго стоитъ проф. Грушевскій, — дѣло прямо-таки нечистое.*

Это не старое культурное украинство, а политическая игра во вкусѣ пзвѣстнаго «изобрѣтателя Рутеновъ» Стадіона и Бисмарка, очень одобряв-

шаго идею отдѣльнаго кievскаго княжества, въ составъ котораго должна входить, понятно, и Одесса. Это подновленіе старой духинщины! Еще въ 80-хъ годахъ украинцы колебались, по выраженію Пыпина, «между теоріей Духинскаго и желаніемъ соблюсти тѣнь исторической правды». Проф. Грушевскій освободился отъ всякихъ колебаній и сталъ открыто на сторону Духинскаго. Въ его вкусѣ онъ построилъ даже новую схему русской исторіи. Древняя кievская Русь, ея право, быть и культура оказываются, по этой схемѣ, исключительнымъ созданіемъ украинской народности, которая будто бы не имѣла съ великороссами ничего общаго, кромѣ династической связи.

Разыскивать, выдвигать и раздувать контрасты — вотъ задача нынѣшняго украинства. Что такимъ образомъ въ русскую жизнь вносятся раздоръ и безконечная внутренняя смута—это понятно само собою.

Удивительно ли, что это наконецъ начинаютъ понимать и у насъ, къ великому огорченію «Рѣчи» и «Н. Вѣка». По всей Галицкой Руси раздался громкій кличь: «Одинъ Богъ на небѣ, одна Русь на свѣтѣ. Мы родились и умремъ Русскими! Не позволимъ украсть у себя русское имя».

Этотъ громкій кличь одинаково упраздняетъ всякіе частные русскіе сепаратизмы. Онъ доказываетъ, что нельзя убить въ народѣ естественное чувство племенной связи и единства, скрѣпленнаго вѣками

общей жизни и культуры. Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно.

Видовыя различія отдѣльныхъ русскихъ народностей были, есть и всегда будутъ. Это глубокіе родники, питающіе широкій бассейнъ обще-національной жизни, поддерживающіе ея колоритность и то естественное разнообразіе, которое свойственно всему живому. Съ ними нужно считаться и не признавать ихъ было бы неразуміемъ. Но не было и, Богъ дастъ, не будетъ двухъ русскихъ народовъ—націй, ибо въ такомъ случаѣ одинъ изъ этихъ народовъ непремѣнно пересталъ бы быть русскимъ. Украинцы это уже доказали. Сравнительно недавно они называли себя Рускими (съ сакраментальнымъ однимъ с, а не двумя), потомъ стали руськими, затѣмъ «украинсько-руськими», наконецъ въ самое послѣднее время совершенно отбросили всякое упоминаніе о Руси, выступая въ качествѣ «отдѣльной и самостоятельной націи». А всѣ признаки этой націи заключаются въ подказанной знаменитымъ «изобрѣтателемъ Рутеновъ» Стадіономъ «національной идеѣ» и въ изобрѣтенной Черкавскимъ по наказу намѣстника Аг. Голуховскаго фонетикѣ, да, пожалуй, въ благоволеніи къ униі.

Можно ли представить себѣ что-либо болѣе жалкое?

У Драгоманова имѣется интересный рассказъ о его свиданіи съ провансальскимъ поэтомъ Руманилья. Драгомановъ замѣтилъ ему, что пока провансальскіе фелибры будутъ ограничиваться одними стихами,

до тѣхъ поръ провансальство не измѣнитъ сложившихся отношеній юга и сѣвера Франціи. «Надо», говорилъ Драгомановъ, «писать популярно-научныя книжки, избирательные манифесты, говорить по провансальски на митингахъ, если уже законъ не позволяетъ вамъ учить по-своему въ школахъ».

— Знаете, — отвѣтилъ на это Руманилья, — мы этого не можемъ сдѣлать, вѣдь мы все-таки Французы» (*parce qu'après tout nous sommes des Français*).

Въ этомъ напрашивающемся сопоставленіи украинство представляетъ глубокій интересъ, какъ проявленіе національной патологии, какъ квинтъ-эссенція всѣхъ старыхъ политическихъ недоразумѣній, мутившихъ русскую жизнь на всемъ пространствѣ Западной Руси со времени ея политическаго обособленія отъ Руси Восточной. Всѣ эти недоразумѣнія сосредоточились теперь въ Галицкой Руси. Здѣсь за русской политической границей, подъ австро-польскимъ кровомъ, при содѣйствіи іезуитовъ и перевоспитанныхъ ими униатскихъ базилианъ, можно свободно продолжать эксперименты надъ русскимъ народомъ, и тѣ, кому это нужно, продѣлываютъ при посредствѣ Черкавскихъ, Романчуковъ, Грушевскихъ и т. п., весьма серьезный опытъ кастрировать русскую національную идею очень простымъ, а по нынѣшнимъ взглядамъ весьма демократичнымъ приемомъ — путемъ подъема одного изъ мѣстныхъ русскихъ нарѣчій до степени отдѣльнаго самостоятельнаго литературнаго языка. Результатъ сказался очень скоро: новый языкъ не сталъ литературнымъ,

но сразу пересталъ быть русскимъ, а его сторонникамъ пришлось сбросить съ себя, вытравить въ себѣ всю свою связь съ прошлымъ своего народа.

«Поднимать малорусскій языкъ до уровня образованнаго литературнаго языка—была мысль соблазнительная, но ея несостоятельность высказалась съ перваго взгляда». Таковъ былъ взглядъ Костомарова. Но съ культурнымъ украинствомъ Гоголя, Максимовича, Костомарова или такихъ дѣятелей австрійской Руси, какъ А. И. Добрянскій, Головацкій, Петрушевичъ, Наумовичъ, нынѣшнее чисто политическое «украинство» не имѣетъ абсолютно ничего общаго. Тѣ стремились къ расширенію и обогащенію общерусскаго содержанія, а нынѣшніе «украинцы» стремятся лишь къ разрыву одного живого цѣлаго на части и всего болѣе опасаются гармоническаго сочетанія этихъ частей.

И. Филевичъ.

Кіевлянинъ 1908 года № 42.

О томъ, какъ г. Александръ Грушевскій на основаніи «захватнаго» права осуществилъ въ Новороссійскомъ университетѣ чтеніе лекцій на украинскомъ воляпюкѣ (къ стр. 7).

Въ «автономномъ» Новороссійскомъ университетѣ интересное «нововведеніе» — чтеніе лекцій на «украинской мовѣ». Инициаторомъ такихъ чтеній является приватъ-доцентъ Грушевскій, братъ знаменитаго «прохвессора».

По этому поводу въ «Русской Рѣчи» напечатано слѣдующее письмо въ редакцію за подписью «Гражданина Великой Россійской Имперіи»:

«Позвольте чрезъ посредство уважаемой «Русской Рѣчи» предложить вопросъ: 1) декану историко-филологическаго факультета г. фонъ-Штерну, 2) и. об. ректора проф. Левашеву, 3) и. д. попечителя Одесскаго учебнаго округа проф. Каминскому, 4) министру народнаго просвѣщенія проф. Шварцу: на какомъ основаніи приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета г. Грушевскій читаетъ въ университетѣ, т. е. въ русскомъ государственномъ учрежденіи, лекціи на жаргонѣ, называемомъ украинскимъ языкомъ?»

Въ университетскомъ уставѣ сказано:

Ст. 25. Декану принадлежитъ ближайшее наблюденіе за преподаваніемъ учебныхъ предметовъ въ своемъ факультетѣ.

Ст. 11. Ректору ввѣряется непосредственное завѣдываніе всѣми частями управленія университета въ указанныхъ настоящимъ уставомъ предѣлахъ.

Ст. 12. Всѣ служащіе въ университетѣ и состоящія при немъ лица обязаны исполнять законныя требованія ректора.

Ст. 6. Попечитель учебнаго округа заботится о благосостояніи университета, наблюдаетъ за ходомъ университетскаго преподаванія и за точнымъ исполненіемъ всѣми принадлежащими къ университету установленіями и должностными лицами правилъ, предписанныхъ закономъ или распоряженіями правительства; пресѣкаетъ всякое уклоненіе отъ сихъ правилъ; возбуждаетъ дѣло объ отвѣтственности виновныхъ.

Ст. 4. Каждый университетъ, состоя подѣ главнымъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, ввѣряется начальству попечителя мѣстнаго учебнаго округа.

Спрашивается: кто допустилъ вопіющее нарушеніе требованій основныхъ законовъ о томъ, что въ Россійской имперіи государственнымъ языкомъ долженъ быть и можетъ быть только языкъ русскій, и на какомъ основаніи въ Новороссійскомъ университетѣ иностранному жаргону, именуемому языкомъ украинскимъ, даны права языка государственнаго?

Ст. 3. основныхъ законовъ гласитъ: «Русскій языкъ есть языкъ государственный и обязателенъ въ арміи, во флотѣ и во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ. Употребленіе мѣст-

ныхъ языковъ и нарѣчій въ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ опредѣляется особыми законами». Гдѣ тотъ особый законъ, который давалъ бы право ввести преподаваніе на иностранномъ жаргонѣ (даже не на мѣстномъ языкѣ или нарѣчій) въ высшемъ учебномъ заведеніи вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія?»

Управляющій Одесскимъ учебнымъ округомъ обратилъ уже вниманіе на чтенія привать-доцента Грушевскаго, предложивъ ректору Новороссійскаго университета въ трехдневный срокъ представить объясненія по поводу чтенія привать-доцентомъ Грушевскимъ лекцій по русской исторіи на украинскомъ жаргонѣ.

Весьма сомнительно, чтобы испрашивалось разрѣшеніе на чтеніе лекцій на малорусскомъ нарѣчій. При существующей «автономіи» университетовъ разнаго рода чтенія можно осуществлять явочнымъ порядкомъ, замѣнивъ русскій языкъ не только «украинской мовой», но и еврейскимъ жаргономъ.

